

УДК 316

<https://doi.org/10.33619/2414-2948/44/59>

СТРАХ КАК ФЕНОМЕН ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ

©**Баринов Д. Н.**, ORCID: 0000-0001-9461-1889, SPIN-код: 9606-7531, д-р филос. наук,
Смоленский государственный университет, г. Смоленск, Россия, novalenso@mail.ru

FEAR AS A PHENOMENON OF SOCIAL CONSCIOUSNESS

©**Barinov D.**, ORCID: 0000-0001-9461-1889, SPIN-code: 9606-7531, Dr. habil.,
Smolensk State University, Smolensk, Russia, novalenso@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу страха как феномена общественного сознания. В советской, а затем и российской науке длительное время преобладала теория общественного сознания, выделявшая уровни отражения действительности, формы общественного сознания, а также его сферы. С позиций данной теории страхи и тревоги могут рассматриваться с точки зрения соотношения рационального и эмоционального, теоретического и обыденного уровней, идеологии, науки и общественной психологии, иерархии форм общественного сознания, которая меняется в разные исторические периоды развития общества. Автор не отвергает данного подхода, но предлагает синтезировать его идеи и положения в концепцию «реального общественного сознания» (реально функционирующего сознания), выдвинутую в рамках социологии жизни Ж. Т. Тощенко. На основе концепции реального общественного сознания выделены следующие аспекты исследования — анализ страхов и тревог как элементов общественного сознания, взаимосвязанных с другими элементами; изучение соотношения разных типов страхов в репертуаре тревог и опасений конкретного общества; выявление взаимосвязи социальных страхов с объективными условиями жизнедеятельности общества; изучение страхов и тревог с точки зрения их взаимосвязи с реальным поведением индивидов и групп в реальных жизненных условиях. В качестве феномена реального общественного сознания страхи и тревоги можно считать одним из индикаторов текущего состояния общественной жизни. Разработка теоретической модели анализа страхов и тревог как явлений реально функционирующего общественного сознания позволяет создать основу для эмпирических исследований.

Abstract. The article is devoted to the analysis of fear as a phenomenon of public consciousness. In Soviet and then Russian science, the theory of social consciousness prevailed for a long time, highlighting levels of reflection of reality, forms of social consciousness, as well as its scope. From the standpoint of this theory, fears and anxieties can be considered from the point of view of the correlation of rational and emotional, theoretical and everyday levels, ideology, science and social psychology, hierarchy of forms of social consciousness, which changes in different historical periods of the development of society. The author does not reject this approach but proposes to synthesize his ideas and positions into the concept of ‘real public consciousness’ (a really functioning consciousness) put forward within the sociology of life by Zh. T. Toschenko. Based on the concept of real public consciousness, the following aspects of the study are highlighted — analysis of fears and anxieties as elements of public consciousness interconnected with other elements; studying the ratio of different types of fears in the set of anxieties and concerns of a particular society; identifying the relationship of social fears with the objective conditions of society; the study of fears and anxieties from the point of view of their relationship with the real behavior of individuals and groups in real life conditions. As a phenomenon of real public

consciousness, fears and anxieties can be considered as one of the indicators of the current state of social life. The development of a theoretical model for analyzing fears and anxieties as phenomena of a truly functioning public consciousness allows us to create a basis for its empirical research.

Ключевые слова: страхи, тревоги, социальные тревоги, социальный страх, общественное сознание, формы общественного сознания, социология жизни, реальное общественное сознание, общественное бытие, типы страхов.

Keywords: fears, anxieties, social anxieties, social fear, public consciousness, forms of social consciousness, sociology of life, real social consciousness, social being, types of fears.

Страх как важнейший феномен жизни человека и общества остается предметом исследования в общественных науках на протяжении длительного времени. Актуальность научных исследований страха и тревоги как социальных явлений обусловлена особенностями развития современного общества, в котором нарастают неопределенность и непредсказуемость. Экологические проблемы, техно– и антропогенные катастрофы, социально-экономические кризисы и т. д. не позволяют человеку чувствовать себя в безопасности, не создают ощущения надежности, уверенности в завтрашнем дне.

Сложность изучения страха как социального явления связана с междисциплинарным характером проблематики. Возникает необходимость отделить страх в качестве явления общественной жизни от страха как биологического и психологического феноменов. Инструментом подобного разграничения, на наш взгляд, является концепция Э. Дюркгейма, позволяющая считать страх объективно существующим социальным явлением (социальным фактом), каузально и функционально взаимосвязанным с другими явлениями и процессами общественной жизни. Такой подход позволяет представить страх (страхи, тревоги, опасения) как факт коллективных представлений (общественного сознания) и делает несущественным характерное для психологии разграничение страха и тревоги [1]. В то же время такой подход ставит вопрос о специфике страхов и тревог в качестве явлений общественного сознания.

В отечественной социальной философии и социологии (С. Ф. Анисимов, А. И. Анищенко, В. С. Барулин, В. Н. Лавриненко, Г. К. Овчинников, А. К. Уледов, Б. А. Чагин и др.) [2–12] общественное сознание рассматривалось как явление духовной жизни общества, как результат духовной деятельности, то есть деятельности по производству идей, знаний, теорий, художественных образов, ценностей и т. д. Данный подход основывался на признании детерминированности общественного сознания объективными условиями бытия людей, что являлось отправным пунктом для дифференциации входящих в состав общественного сознания элементов и его структурирования. С учетом этого выделялись уровни отражения действительности (теоретический и обыденный), формы общественного сознания (политическое, правосознание, религиозное, мораль и т. д.), а также его сферы — идеология, общественная психология, наука.

Вычленение форм общественного сознания основывалось на различных критериях: предмет отражения, способ отражения, социальные функции общественного сознания. Но все же одним из важнейших критериев разграничения форм и уровней общественного сознания оставалось содержание соответствующих видов деятельности и общественных отношений, объективные условия функционирования сознания и вырастающие на их основе общественные потребности, удовлетворению которых служат эти формы.

В соответствии с данным подходом социальные страхи и тревоги можно рассматривать в следующих аспектах.

Во-первых, с точки зрения соотношения рационального и эмоционального компонентов на тех или иных уровнях или в каждой из форм общественного сознания, что отвечает общетеоретическому пониманию структуры сознания, ядром которого считается знание, пропитанное «сложной тканью эмоциональных переживаний, целевой устремленности, намерений и интересов» [13, с. 109]. Не все формы общественного сознания в одинаковой степени подвержены воздействию эмоциональной составляющей. В структуре одних форм общественного сознания чувства, эмоции, настроения (в том числе и страхи и тревоги) занимают существенное место, другие же косвенно находятся под влиянием эмоциональных явлений.

Во-вторых, с точки зрения иерархии форм общественного сознания. В разные периоды исторического развития общества на первый план выходят то одни, то другие формы общественного сознания. Та или иная форма общественного сознания становится доминирующей и оказывает решающее влияние на духовную жизнь в целом, а также на содержание и функции всех остальных духовных явлений данного общества. Считается, что в античности это было искусство, в Средние века — религия, в эпоху Возрождения — наука и искусство.

В-третьих, с точки зрения, соотношения теоретического и обыденного уровней, науки, идеологии и общественной психологии. Это соотношение во многом связано с особенностями познания действительности и содержанием знания. В науке идеологии перечень опасностей выходит далеко за рамки обыденной практики. На обыденном же уровне сознания конкретизация теоретически обоснованных угроз или идеологических страхов обусловлена как непосредственным житейским опытом, так и процессами коммуникации, транслирующими теоретические, идеологические страхи в сферу повседневности.

В том случае, когда существует необходимость исследования социальных страхов как элемента сознания всего общества, а не отдельных форм и уровней общественного сознания, возникают методологические трудности, связанные с пониманием сущности, структуры и содержания сознания всего общества в целом. Не решает проблему концепция массового сознания Б. А. Грушина, вне внимания которой оказываются феномены, не относящиеся к массовому сознанию, но влияющие на общественную жизнь. Например, сознание элитарных групп, интеллигенции в СССР, которая во многом определяла тренды массового сознания. Кроме того, те общности, которые в данной концепции относятся к массе, могут существовать в организованных формах и, таким образом, не являются носителями массового сознания, не испытывают на себе его определяющего влияния [14–15].

На наш взгляд, выход видится в использовании концепции «реального сознания» или «реально функционирующего сознания», предложенного Ж. Т. Тощенко. Согласно данной концепции, сознание (общественное, групповое, индивидуальное) мыслится как исходная категория анализа бытия человека и общества. «Реальное сознание», или «реально функционирующее сознание» понимается как синтез теоретического и обыденного уровней, рационального и эмоционального, элементов мировоззрения, традиций, привычек. «Реальное сознание» выступает продуктом коллективной, а не специализированной деятельности. Этим оно отличается от конкретных форм (политической, религиозной, экономической и т. д.) и воспроизводится во всех видах деятельности. Поэтому «реальное сознание» наряду с поверхностными представлениями включает в себя и сущностное понимание жизни. В структуру «реального сознания» входят знания, убеждения, ценностные ориентации, мотивы, интересы и потребности, общественное мнение, а доминантной его характеристикой является социальное настроение [15, с. 20–27; 16].

В рамках данной концепции признается взаимосвязь реального сознания с общественным бытием, с реальным «контекстом жизни человека» [17]. Речь идет об отражении сознанием объективных общественных условий, закономерностей и тенденций развития общества, а также о влиянии сознания на поведение людей и общественную практику в целом.

Обращение к данной концепции не предполагает отрицания подхода к изучению общественного сознания, сложившегося в отечественной социальной науке в XX веке. На наш взгляд, теоретико–методологические принципы концепции реального общественного сознания позволяют включить в исследование те стороны изучения страхов и тревог, которые теоретически обосновываются в рамках традиционного подхода, разделяющего формы, уровни и сферы сознания. Таким образом, на основании некоего синтеза традиционного подхода к общественному сознанию и концепции реального общественного сознания Ж. Т. Тощенко, можно вычленил следующие аспекты исследования страхов и тревог.

Во-первых, это *анализ страхов и тревог как элемента общественного сознания, взаимосвязанного с другими элементами* — знаниями, убеждениями, потребностями, интересами, ценностями, общественным мнением и т. д.

Рассмотрим соотношение между убеждениями и страхами. Компонентом правосознания является как страх наказания, так и убеждение в необходимости следовать нормам права. Преобладание страха наказания или убеждения является индикатором развития уровня правосознания. Согласно опросу экспертов–юристов, проведенному в марте 2012 года НИИ РПА Минюста России (N=1418, 11 регионов РФ), основным мотивом соблюдения закона россиянами является страх перед наказанием (69%). Второе место занимает понимание необходимости соблюдения закона как условия поддержания правопорядка (47%). 16% граждан, как полагают юристы, опасается морального осуждения, и лишь для 8% соблюдение законов вошло в привычку. В связи с этим юристы–эксперты склонны считать уровень правосознания граждан низким [18].

Анализ взаимосвязи страхов и ценностей отвечает идее иерархии форм общественного сознания, принятой в традиционной концепции общественного сознания. Страхи и тревоги указывают на те проблемы общественной жизни являются наиболее острыми, важными, значимыми. Поэтому можно считать, что преобладающие в обществе страхи и тревоги отражают иерархию ценностей данного общества. Например, в эпоху средневековья компоненты общественной жизни (труд, собственность, знания, человеческая жизнь) были относительными ценностями, поскольку социальным идеалом являлась духовная сфера, мир сверхъестественного, к которому каждому следовало стремиться посредством смирения, благочестия, подвижничества. Исследователь византийской культуры А. П. Каждан дает следующую характеристику византийскому обществу X–XII вв.: «Всякое явление действительности расценивалось с этих позиций — является ли оно душеполезным или нет, подготавливает оно человека к спасению, к Царству Небесному или, наоборот, мостит ему дорогу в ад» [19, с. 170]. Этим объясняются массовые апокалиптические настроения и ожидание конца света в период западноевропейского средневековья. Ж. Делюмо в книге «Ужасы на Западе» [20, с. 164–173] рисует картину повального массового страха, который с XIV века начал распространяться в Западной Европе и охватил практически все население. К XVI веку вера в пророчества о гибели мира и Страшном суде трансформировалась в яркую картину конца света с многочисленными подробностями, теоретически обоснованными в теологии и эстетически усиленными в религиозном искусстве: страшный Суд, суровые испытания, которым подвергнется человечество, устрашающие детали адских мук.

Практически все люди были охвачены страхом апокалипсиса и полагали, что станут свидетелями кончины земного мира.

Во-вторых, *изучение соотношения разных типов страхов в репертуаре тревог и опасений конкретного общества* — идеологических, научных, обыденных, политических, экономических и т. д. Концепция реального общественного сознания позволяет увидеть, какие из этих страхов и тревог становятся частью сознания всего общества, частью жизненной реальности индивидов, групп, общества в целом, входят в состав повседневного опыта, а какие остаются вне поля зрения общества.

Принято считать, что возникновение идеологии обусловлено потребностью в понимании происходящего. Являясь результатом деятельности специалистов, идеология тем не менее должна быть понятной большинству членов общества без специальной подготовки. В силу этого идеология способна формировать в сознании людей некое, зачастую «нужное», видение реальности. Однако идеология приобретает влияние лишь в том случае, когда превращается в элемент непосредственной жизненной реальности людей. Для этого она должна быть соотнесена с потребностями, интересами, ценностями, общественными настроениями.

Одним из эмоциональных компонентов, активно воздействующих на сознание и поведение в рамках идеологии, является страх, порождение которого связано с формированием образа чужака или врага. Дихотомии «свой–чужой», «друг–враг» в той или иной степени всегда присутствуют в политической идеологии, поскольку ее эффективность, как отмечает К. С. Гаджиев, проявляется в тех случаях, когда внешний мир предстает враждебной силой [21, с. 5]. Консолидация общества и его жизнеспособность, во многом основанная на такой консолидации, формируется за счет угрозы, артикулируемой в политической пропаганде и теоретически обоснованной в политической идеологии. При этом зачастую не имеет значения содержательная сторона внешней угрозы, не важным оказывается, кто именно выступает врагом. Главное, что его наличие позволяет обществу объединять усилия в достижении поставленных целей. Об этом свидетельствует, например, отмечаемое публицистами и аналитиками повышение сплоченности американской нации после трагических событий 11 сентября. Следует упомянуть и другие многочисленные примеры — «империя зла», угроза ядерной войны, образ врага в американском кинематографе (преступные китайцы и русская мафия, жестокие сербы и психически нездоровые арабские террористы) — все это персонификации стран, попадающих в зону жизненно важных интересов США. С другой стороны, США как враг номер один в политической идеологии противников этой страны выполняет аналогичные функции.

Британский историк, философ и культуролог А. Тойнби полагал, что конфронтация США и СССР в период «холодной войны» была вызвана во многом идеологическими страхами: «Если бы человек жил одной экономикой, у Америки и России не было бы никаких причин сталкиваться друг с другом в течение жизни нескольких поколений. Но, к сожалению, человек жив еще и политикой. Ему необходимо бороться не только с нуждой, но и со страхом, а в плане идей и идеологий Россия и Америка постоянно перебегают друг другу дорогу, вместо того чтобы спокойно сидеть дома и обрабатывать собственный просторный сад... Ни капиталистический, ни коммунистический мир не иммунны против влияния другого, ибо ни тот ни другой не есть рай на земле, как они оба стараются представить; и оба они обнаруживают свои страхи, принимая защитные меры против влияния соперника. Железный занавес, которым Советский Союз пытается отгородиться от внешнего мира, весьма красноречиво говорит сам за себя. Но и на стороне капиталистического мира существует не меньший, хоть и не столь парализующий, страх перед миссионерской

коммунистической активностью; и пусть в демократических странах этот страх не выражается в государственных запретах на личные контакты, он тем не менее всегда готов перерасти в паническую истерию» [22, с. 92–93].

Рассмотрим соотношение между страхами научного сообщества и обыденными тревогами. В научных работах нередко встречаются следующие выражения: «вызывает тревогу», «вызывает обеспокоенность» (та или иная проблема, тенденция). В работе «Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний» Г. Бехманн отмечает, что в странах Запада сформировались риски, связанные с развитием передовых технологий, генной инженерии и экологическими проблемами. По мнению Г. Бехманна сложность решения этих проблем заключается в том, что никто с уверенностью не может сказать, каковы масштабы опасности, потенциально угрожающей обществу. Г. Бехманн, в частности, пишет: «Развитие передовых технологий привело к появлению сложных и сложноконтролируемых промышленных структур, где существует риск, что их фактическая цель (производство энергии, материалов и т. д.) будет все больше перекрываться побочными эффектами (негативным воздействием на человечество и природу). Усиление мер безопасности не просто не может сделать технику безопаснее — эмпирические исследования показывают, что добавление узлов безопасности увеличивает сложность системы в целом и тем самым делает ее более уязвимой для несчастных случаев... Эта ситуация приводит к растущему пониманию роли случайности, сопровождающемуся знанием о том, что могли бы быть приняты другие решения и что никто не может отвести катастрофу, какой бы небольшой не была ее расчетная вероятность» [23, с. 103].

В этой связи справедливо возникает вопрос: насколько обеспокоенность, высказанная Г. Бехманном, будет воспринята людьми, далекими от научной деятельности и станет неотъемлемой частью их повседневной жизни? Научное исследование нередко вскрывает в изучаемой проблеме опасные последствия для жизни общества. Однако не всегда возникающие на этой основе тревоги и опасения научного сообщества могут разделять профессиональные деятели политики, культуры и т. д., и тем более обычные граждане.

Страхи научного сообщества, как и страхи идеологические, становятся актуальными, окрашивают самочувствие общества, его настроение, определяют устремления, поведение и практическую деятельность в том случае, когда превращаются в неотъемлемую часть жизненного мира индивидов, групп, общества в целом. Если ценности, угрозы которым описаны учеными или идеологами, близки обществу, это способствует возникновению соответствующих страхов и опасений у населения. Одним из мощных ресурсов распространения страхов являются СМИ, посредством которых беспокойство узкой специализированной группы (ученые, политики, богословы) тиражируется в масштабах всего общества.

В-третьих, это выявление взаимосвязи социальных страхов с объективными условиями жизнедеятельности индивидов и групп, объективными процессами в политике, экономике, социальной сфере, культуре. Изменения социально-экономической, политической, духовной ситуации в обществе, экологической обстановки способны порождать страхи и тревоги, являющиеся откликом на эти изменения. Так, ослабление деятельности государства в различных сферах общественной жизни в 90-е годы XX века, а порой и полный уход из некоторых сфер, провоцировал у населения России тревоги по поводу слабости государственной власти. По данным ВЦИОМ, в марте 1993 года 32,7% россиян выражало обеспокоенность слабостью государственной власти, в июле 1997 года — 40,8% [23, с. 47]. Реальные условия жизни индивидов и социальных групп могут иметь такую силу, что страх способен охватить все общество, все его слои. Шок, растерянность и страх были основной

чертой общественного сознания и общественных настроений россиян в условиях кардинальных преобразований постсоветского общества в 90-е годы XX.

В-четвертых, изучение страхов и тревог с точки зрения их взаимосвязи с реальным поведением индивидов и групп в реальных жизненных условиях. Поведение индивидов и групп может определять возникновение и развитие страхов и тревог, и в то же время испытывать на себе их воздействие. В психологии и социологии принято считать, что основными формами реакции на опасность являются бегство (избегание опасности), оцепенение (ступор) и активные защитные действия, которые могут трансформироваться в агрессию [24, с. 431]. Все эти действия направлены на нейтрализацию опасности. В общественной жизни эти действия могут принимать такие формы, как миграция, конформизм, протестные выступления, повышение или понижение активности населения в социальной и политической сферах и т. п. Приведем некоторые примеры.

Бегство. Страх способствует избеганию опасных ситуаций, усиливающих напряженность, тревогу и опасения. Исследования финансовой грамотности показывают, что граждане России предпочитают хранить сбережения дома, а не в банках или иных финансовых учреждениях, а также склонны к консервативным вложениям – в иностранную валюту и недвижимость. Причиной такого избегания финансовых рисков является тревога, недоверие к финансовым институтам, сформированное в результате потери сбережений, финансовых мошенничеств периода 90-х годов XX века, а также проблем, возникавших в условиях экономических кризисов 1998 г., 2008–2009 гг., 2014–2015 гг. [25].

Активные защитные действия, в том числе агрессия. В марте-апреле 2018 году в г. Волоколамск Московской области прошли массовые митинги протеста против мусорного полигона «Ядрово», который расположен в нескольких километрах от города. Характер протестных выступлений был таков, что на него отреагировал губернатор Московской области и местное руководство. Причиной массовых выступлений послужили выбросы свалочного газа, которые привели к ухудшению самочувствия и создали угрозу здоровью жителей Волоколамска. Эти митинги завершились отставкой главы Волоколамского района, введением режима чрезвычайной ситуации, реализацией мер по повышению защищенности жителей от вредных выбросов [26].

Оцепенение (ступор). Атмосфера тревожности, которая распространяется в обществе, порождает апатию, безволие, бездействие, не способствует развитию. Подобная атмосфера, по воспоминаниям очевидцев, была характерна для советского общества периода политических репрессий, что негативно сказывалось на развитии науки, поскольку страхи ученых того времени блокировали интеллектуальную активность. В. Ж. Келле, М. Я. Ковальзон так описывали атмосферу страха в научной среде: «Вплоть до середины 50-х годов над общественной наукой довели жесткие идеологические установки сталинизма, во многом деформировавшие марксистскую методологию. Кроме того, как и все другие сферы деятельности, общественные науки понесли в это время большие человеческие потери. Загубленные жизни, прерванная частично или навсегда творческая деятельность талантливых ученых, тотальный идеологический контроль за издательской и преподавательской деятельностью, суровые кары за отступление от официальных «апробированных» положений или неосторожно сказанное слово ... Все это создавало напряженную атмосферу страха, формировало ненормальные отношения в научном сообществе, благоприятствовало появлению карьеристов, демагогов, ползунаек, спекулировавших на «принципе партийности» и выискивавших в работах своих коллег различного рода крамолу ... Конечно, такая обстановка не способствовала развитию творческой активности. Скованность мысли, догматизм, внутренняя цензура снижали

творческий потенциал талантливых ученых и были одновременно питательной средой для выдвижения серости и посредственности. Все это имело для общественных наук далеко идущие последствия, нанесло огромный ущерб их развитию» [27, с. 45–46].

Таким образом, анализ страхов и тревог с позиций концепции реального общественного сознания позволяет учитывать не только соотношение страхов и тревог с другими элементами сознания общества (знания, потребности, ценности и т. д.), но и их взаимосвязь с протекающими в обществе процессами, а также с практической деятельностью индивидов и групп. Теоретические построения позволяют считать, что страхи и тревоги не в последнюю очередь оказывают влияние на настроения носителей общественного сознания, формируя состояния от беспокойства и разочарования до выражения протеста в различных формах действия. В качестве феномена реального общественного сознания страхи и тревоги можно считать одним из индикаторов текущего состояния общественной жизни. Разработка теоретической модели анализа страхов и тревог как явления реально функционирующего общественного сознания позволяет создать основу для эмпирических исследований, учитывающих взаимосвязь выделенных аспектов анализа на различных уровнях — от макросоциального уровня до уровня межличностного общения и взаимодействия.

Список литературы:

1. Баринов Д. Н. Страх как социальный феномен // Гуманитарный научный вестник. 2019. №2. С. 1-14.
2. Анисимов С. Ф. Духовные ценности: производство и потребление. М.: Мысль, 1988. 253 с.
3. Анищенко А. И., Уледов А. К. Применение структурно-функционального анализа к исследованию общественного сознания // Актуальные вопросы методологии общественных наук. М.: МГУ. 1971. С. 74-98.
4. Барулин В. С. Диалектика взаимодействия сфер общественной жизни. М. 1982. 230 с.
5. Лавриненко В. Н. Духовная жизнь общества как общечеловеческое достояние // Политика и общество. 12 (96). 2012. С. 51-58.
6. Михайлов Ф. Т. Общественное сознание и самосознание индивида. М.: Наука, 1990. 222 с.
7. Общественное сознание и его формы. М. 1986. 362 с.
8. Уледова А. К. Общество и сознание. М.: Прогресс. 1984. 239 с.
9. Овчинников Г. К. Структура общественного сознания в свете современного развития науки и техники // Вестник МГИУ. Серия «Гуманитарные науки». 2003. №2 (4). С. 67-85.
10. Уледов А. К. Духовная жизнь общества. Методологические проблемы исследования. М.: Мысль, 1980. 271 с.
11. Уледов А. К. Структура общественного сознания (Теоретико-социологическое исследование). М.: Мысль, 1968. 324 с.
12. Чагин Б. А. Структура и закономерности общественного сознания. Л.: Наука, 1982. 246 с.
13. Спиркин А. Г. Сознание и самосознание. М.: Политиздат, 1972. 303 с.
14. Моисеев С. П. Концепты «масса» и «массовое поведение» в работах Б. А. Грушина // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. №2. С. 233-245.
15. Тощенко Ж. Т. Парадоксальный человек. М.: Гардарики, 2001. 398 с.
16. Тощенко Ж. Т. О понятийном аппарате социологии // Социологические исследования. 2002. №9. С. 3-16.

17. Тощенко Ж. Т. Социология жизни как социологическая концепция исследования социальной реальности // Социологические исследования. 2000. №2. С. 3-12.
18. Фурсов А. Л. Правосознание юристов в контексте социологического исследования правовой социализации // Современные исследования социальных проблем. 2012. №7 (15). С. 17.
19. Каждан А. П. Византийская культура (X-XII вв.). СПб.: Алетейя, 1997. 170 с.
20. Делюмо Ж. Идентификация ужаса. М.: Алгоритм, 2009. 240 с.
21. Гаджиев К. С. Политическая идеология: концептуальный аспект // Вопросы философии. 1998. №12. С. 3-20.
22. Тойнби А. Постижение истории. М.: Прогресс-Традиция, 1996. 480 с.
23. Бехманн Г. Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний. М: Логос, 2010. 248 с.
24. Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический проект, 2002. 880 с.
25. Ковальчук А. В., Сайбель Н. Ю. Оценка уровня финансовой грамотности населения в России // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2018. №1.
26. Брызгалова Е. Каждый третий житель Волоколамска вышел на митинг против свалки // Ведомости. 01.04.2018. <https://clck.ru/D6eyo>
27. Келле В. Ж., Ковальзон М. Я. Общественная наука и практика // Вопросы философии. 1990. №12. С. 45-46.

References:

1. Barinov, D. N. (2019). Strakh kak sotsial'nyi fenomen. *Gumanitarnyi nauchnyi vestnik*, (2), 1-14. (in Russian).
2. Anisimov, S. F. (1988). *Dukhovnye tsennosti: proizvodstvo i potreblenie*. Moscow, Mysl, 253. (in Russian).
3. Anishchenko, A. I., & Uledov, A. K. (1971). *Primenenie strukturno-funktsional'nogo analiza k issledovaniyu obshchestvennogo soznaniya*. In: *Aktual'nye voprosy metodologii obshchestvennykh nauk*, Moscow, MGU, 74-98. (in Russian).
4. Barulin, V. S. (1982). *Dialektika vzaimodeistviya sfer obshchestvennoi zhizni*. Moscow, 230. (in Russian).
5. Lavrinenko, V. N. (2012). *Dukhovnaya zhizn' obshchestva kak obshchechelovecheskoe dostoyanie*. *Politika i obshchestvo*, (12), 51-58. (in Russian).
6. Mikhailov, F. T. (1990). *Obshchestvennoe soznanie i samosoznanie individa*. Moscow, Nauka, 222. (in Russian).
7. *Obshchestvennoe soznanie i ego formy*. (1986). Moscow, 362. (in Russian).
8. Uledova, A. K. (1984). *Obshchestvo i soznanie*. Moscow, Progress, 239. (in Russian).
9. Ovchinnikov, G. K. (2003). *Struktura obshchestvennogo soznaniya v svete sovremennogo razvitiya nauki i tekhniki*. *Vestnik MGIU. Seriya "Gumanitarnye nauki"*, (2), 67-85. (in Russian).
10. Uledov, A. K. (1980). *Dukhovnaya zhizn' obshchestva. Metodologicheskie problemy issledovaniya*. Moscow, Mysl, 271. (in Russian).
11. Uledov, A. K. (1968). *Struktura obshchestvennogo soznaniya (Teoretiko-sotsiologicheskoe issledovanie)*. Moscow, Mysl, 324. (in Russian).
12. Chagin, B. A. (1982). *Struktura i zakonomernosti obshchestvennogo soznaniya*. Leningrad, Nauka, 246.
13. Spirkin, A. G. (1972). *Soznanie i samosoznanie*. Moscow. Politizdat, 303. (in Russian).

14. Moiseev, S. P. (2017). Kontsepty “massa” i “massovoe povedenie” v rabotakh B. A. Grushina. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial’nye peremeny*, (2), 233-245.
15. Toshchenko, Zh. T. (2001). Paradoksal’nyi chelovek. Moscow, Gardariki, 398. (in Russian).
16. Toshchenko, Zh. T. (2002). O ponyatiinom apparate sotsiologii. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, (9), 3-16. (in Russian).
17. Toshchenko, Zh. T. (2000). Sotsiologiya zhizni kak sotsiologicheskaya kontsepsiya issledovaniya sotsial’noi real’nosti. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, (2), 3-12. (in Russian).
18. Fursov, A. L. (2012). Pravosoznanie yuristov v kontekste sotsiologicheskogo issledovaniya pravovoi sotsializatsii [Sense of Justice of Lawyers in the Context of Sociological Research of Legal socialization]. *Sovremennye issledovaniya sotsial’nykh problem*, (7), 17. (in Russian).
19. Kazhdan, A. P. (1997). Vizantiiskaya kul’tura (X-XII vv.). St. Petersburg, Aleteiya, 170. (in Russian).
20. Delyumo, Zh. (2009). Identifikatsiya uzhasa. Moscow, Algoritm, 240. (in Russian).
21. Gadzhiev, K. S. (1998). Politicheskaya ideologiya: kontseptual’nyi aspekt. *Voprosy filosofii*, (12), 3-20. (in Russian).
22. Toinbi, A. (1996). Postizhenie istorii. Moscow, Progress-Traditsiya, 480. (in Russian).
23. Bekhmann, G. (2010). Sovremennoe obshchestvo: obshchestvo riska, informatsionnoe obshchestvo, obshchestvo znaniy. Moscow, Logos, 248. (in Russian).
24. Parsons, T. (2002). O strukture sotsial’nogo deistviya. Moscow, Akademicheskii proekt, 880. (in Russian).
25. Kovalchuk, A. V., & Saibel, N. Yu. (2018). Otsenka urovnya finansovoi gramotnosti naseleniya v Rossii. *Nauchno-metodicheskii elektronnyi zhurnal Kontsept*, (1), (in Russian).
26. Bryzgalova, E. (2018). Kazhdyi tretii zhitel’ Volokolamska vyshel na miting protiv svalki. *Vedomosti*, 01.04.2018. <https://clck.ru/D6eyo>
27. Kelle, V. Zh., & Kovalzon, M. Ya. (1990). Obshchestvennaya nauka i praktika. *Voprosy filosofii*, (12), 45-46. (in Russian).

Работа поступила
в редакцию 26.05.2019 г.

Принята к публикации
31.05.2019 г.

Ссылка для цитирования:

Баринов Д. Н. Страх как феномен общественного сознания // Бюллетень науки и практики. 2019. Т. 5. №7. С. 448-457. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/44/59>

Cite as (APA):

Barinov, D. (2019). Fear as a Phenomenon of Social Consciousness. *Bulletin of Science and Practice*, 5(7), 448-457. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/44/59> (in Russian)